

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА ООН: ФЕНОМЕНЫ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ И КАТЕГОРИЗАЦИИ

Н. М. Брицына
МГИМО МИД России

PECULIARITIES OF THE CONTEMPORARY ENGLISH-LANGUAGE DISCOURSE OF THE UN: PROBLEMATIZATION AND CATEGORIZATION

N. M. Britsyna
MGIMO University

Аннотация: в статье рассматриваются магистральные тенденции в развитии современного англоязычного дискурса ООН. Эмпирическим материалом послужили выступления делегатов на заседаниях различных органов системы ООН, а также документы организации. Исследование позволяет применить теорию проблематизации М. Фуко к вопросам, занимающим центральное место в дискурсе ООН – актуальным вызовам мира, безопасности, социально-экономическим трудностям и благополучия общества. Настоящее исследование выявило широкое использование образно-концептуальной схемы «злодеи – спасители – жертвы», с помощью которой выстраивается иерархия отношений между развитыми и развивающимися государствами, а также субъектами, не вписывающимися в рамках дискурса в систему правил и ценностей «международного сообщества». Исследование показало, что подобная структура отношений участников международных организаций конструируется также посредством концептуальной оппозиции «свой» – «чужой». Большая часть работы посвящена самой многочисленной категории «жертв», т. е. категории уязвимых групп (vulnerable/marginalized/disadvantaged groups). При этом в рамках этой категории коммуникантами моделируются конкретизируемые различия с точки зрения приоритетности одних рисков над другими для выделения помощи – так называемые явления «иерархии уязвимостей» и «приоритетности рисков» в соответствии со сложно дифференцированной концептуально-образной схемой «группа риска в ситуации риска». Предпринятая попытка систематизации особенностей англоязычного дискурса ООН вносит вклад в исследования в лингвокогнитивном и прагматическом ключе и упрощает задачи при обучении английскому языку как иностранному, поскольку позволяет увидеть основные направления мыслей членов современного англоязычного сообщества.

Ключевые слова: концептуальная метафора, прагматика, когнитивная лингвистика, англоязычный политический дискурс, дискурс международных организаций, дискурс ООН, экспериенциализм, конструктивизм.

Abstract: the article focuses on the main trends in the development of modern English-language discourse of the UN. The empirical evidence is taken from the speeches of delegates at the meetings of various UN bodies, as well as the documents of the organisation. The study allows us to apply M. Foucault's theory of problematisation to the issues central to the UN discourse – the current agenda of peace, security, socio-economic challenges and the well-being of society. The present study has revealed the widespread use of the image-conceptual scheme "villains-saviours-victims", which is used to build a hierarchy of relations between developed and developing states, as well as subjects that do not fit into the system of rules and values of the "international community" within the discourse. The research has shown that such a structure of relations between participants in international organisations is also constructed by means of the friend-or-foe binary opposition. Most of the work is devoted to the

most numerous category of "victims", i.e. the category of vulnerable/marginalised/disadvantaged groups. At the same time, within this category, communicators construct specific differences in terms of the priority of some risks over others for the allocation of aid - the so-called phenomena of "vulnerability hierarchy" and "risk priority" in accordance with the complexly differentiated conceptual and figurative scheme "risk group in risk situation in risk situation". The study contributes to further research in pragmatics and cognitive linguistics and facilitates teaching English as a foreign language, allowing to see the main trains of thought of contemporary members of the English-language community.

Key words: conceptual metaphor, pragmatics, cognitive linguistics, English-language political discourse, discourse of international organisations, UN discourse, experientialism, constructivism.

Введение

Исследование выполнено автором в русле современного направления конструктивизма когнитивно-лингвистической парадигмы и экспериенциализма с опорой на подходы У. Матураны, Ф. Варелы [1], А. В. Кравченко [2], Дж. Лакоффа [3]. Изучение работ этих лингвистов позволяет заключить, что англоязычный дискурс ООН в частности – это конструирование и активное воспроизведение на лингвокогнитивном уровне некой модели мирового порядка, в которую погружаются коммуниканты. В одном из своих трудов известный российский лингвист Б. М. Гаспаров (в свою очередь ученик знаменитого семиотика Ю. М. Лотмана) очень метко указал на онтологический характер языка: не язык – нечто «в готовой форме» заключенное в нашем сознании, а мы, в том числе наше сознание, «заключены», погружены в среду бесконечного языкового потока («текущую, открытую, непрерывную среду») [4, с. 7]. Не язык заключен в нас (как некий объективизированный материал, к которому мы обращаемся по мере надобности, как «лезем в карман» за «средством платежа» [2, с. 324], для «обмена» мыслями или информацией), а мы в нем, как в среде. Не случайно и А. В. Кравченко подчеркивает, что язык есть не просто *modus operandi*, а *modus vivendi* [2, с. 324]; подобное находим и в «Философских исследованиях» Л. Витгенштейна, именующего язык *lebensform*, нем. «способ существования, форма жизни» [5, р. 18]. В связи с этим можно заключить, что коммуникацию применительно к любому виду дискурса, в том числе дискурсу международных организаций, точнее будет описать не как обмен информацией, а по словам А. В. Кравченко, как «установление связи» [2, с. 324] с другим членом сообщества. Языковое общение в свою очередь – не обмен готовыми знаками, так как и сама ситуация общения никогда не бывает доподлинно предсказуемой: нам ничто не обещает конкретной (тем более заранее заготовленной) обратной реакции – «послание» может не дойти до реципиента, может не вызвать его отклика, может вызвать отклик неожиданный – все это будет создаваться каждый раз из имеющихся «пазлов» когнитивного опыта в конкретной коммуникативной ситуации. Необходимо отдельно подчеркнуть, что в коммуникативной ситуации не обязательно

но происходит обмен какими-либо сущностями. Однако обязательно будет в той или иной степени изменен «универсум дискурса» [2, с. 328], в котором находятся участники ситуации. Таким образом, относительно языкового поведения коммуникантов дискурса ООН представляется более справедливым говорить не об обмене, а вовлечении коммуникантов в «универсум», в «языковое пространство», наполненное «ориентирующими воздействиями» участников [Там же, с. 328].

Для выявления «ориентирующих воздействий» в дискурсе ООН целесообразным представляется применить к данной области феномен проблематизации, описанный М. Фуко [6]. Он объяснял данное дискурсивное явление следующим образом: за счет конструирования дискурса понятия становятся «проблематизированными» категориями, т. е. определенные области человеческого опыта приобретают статус проблемы. При этом изучая проблематизацию, можно прийти к выводам относительно того, «какую форму интереса проявляют» к той или иной теме, «каким ставится вопрос» «в равной степени и в экономических, в научных, в моральных и в политических дискурсах» [Там же, с. 23]. Кроме того, М. Фуко назвал проблематизацию «разработкой области фактов, практик и мыслей, каковые ставят политические проблемы» [Там же, с. 23]. Здесь важно отметить, что М. Фуко не использует понятие «политический» в узком контексте политического дискурса, политологических терминов и политических программ и других документов. Это понятие необходимо в его широком употреблении как о той сфере деятельности общества, в которой принимаются ключевые решения относительно развития общества и определения его будущих тенденций, что имеет непосредственное отношение и к ООН, в чьем дискурсе можно проследить свою собственную проблематизацию.

Для проблематизации того или иного фрагмента картины мира, согласно М. Фуко, необходим такой фактор, как «возникновение вокруг него некоторого количества трудностей» [6, с. 64]. Другими словами, проблематизация представляет собой многообразный процесс с формированием различных форм «ответа на эти трудности» [Там же]. Здесь нельзя не вспомнить о тематике многочисленных проблем и их реше-

ний, которые обсуждаются в повестках и других документах ООН (*global challenges and solutions*). При этом важную часть проблематизации как явления составляет феномен дискурса: «в связи с этими трудностями она разрабатывает условия, в которых можно дать возможные ответы; она определяет элементы, образующие то, на что стремятся ответить разные решения. Эта переработка данных в вопросы, это преобразование совокупности затруднений и трудностей в проблемы, на которые стремятся найти ответ разные решения: вот что образует точку проблематизации» [Там же]. На основе приведенного высказывания М. Фуко можно заключить, что «условия», создающиеся проблематизацией, условия, в которых «проблемы» ставятся, разворачиваются и подлежат решению, и представляют собой дискурс – то социально-культурное языковое образование, которое позволяет актуализировать существенные для языковой общности смыслы и связывать их в единый когнитивно-языковой поток опыта, аккумулирующий и распространяющий соответствующие ассоциации и идеи. Отдельно стоит подчеркнуть, что под данным процессом проблематизации ученый не имеет в виду создание, изобретение проблемного объекта, которого ранее не существовало. Речь же идет о «совокупности дискурсивных и недискурсивных практик, вводящих нечто в игру истинного и ложного и конституирующих эту игру в качестве объекта мысли (будь то в форме морального размышления, научного познания, политического анализа и т. д.)» [7, с. 94].

Упомянутые М. Фуко в контексте проблематизации отношения истинного и ложного заслуживают особого интереса. Проблематизация строится на понимании сообществом соответствующих истин, когда под истиной подразумевается не «совокупность истинных вещей, которые можно открыть или заставить принять, но совокупность правил, в соответствии с которыми истинное отделяют от ложного и связывают с истинным специфические эффекты власти» [8, р. 301]. В связи с этим М. Фуко говорит о характерном для каждого дискурса «режиме производства истины» [Ibid., р. 299]. В контексте дискурса ООН данное замечание приобретает заметную актуальность в связи с понятиями *rules-based order* («порядок, основанный на правилах»), *international law* («международное право»), к которым коммуниканты апеллируют наряду с обширной документальной базой, разрабатываемой на площадках ООН: это все концептуально подводится под категории более общего порядка *framework* («рамки») и *order* («порядок»), в пределах которых и разграничивается дозволенное и недозволенное, положительные явления/объекты и негативные, истинное и ложное [9].

Нельзя не отметить и созвучность М. Фуко современному течению экспериенциализма в лингвистике,

если рассмотреть, как определяет ученый понятие опыта: «Опыт понимается теперь как историческое образование, которое конституируется на пересечении существующих в каждой культуре “областей знания, типов нормативности и форм субъективности”» [7]. Особую важность приобретает здесь используемый им термин «конституирование», позволяющий рассматривать опыт как категорию не объективно данную, а ту, которая активно моделируется в языке и с помощью языка членами коммуникативной группы.

Любопытны замеченные в ходе исследования сходства между функциями у фигуры-автор, которые выделяет М. Фуко в научных математических текстах, и функциями фигуры-автор, обнаруженными при анализе англоязычного дискурса ООН: место автора («я заключаю», «я полагаю» и др.) при доказательстве какой-либо теоремы «занять <...> может любой индивид, лишь бы только он принял ту же систему символов, ту же игру аксиом, ту же совокупность предварительных доказательств» [7]. Это очень напоминает ситуацию в дискурсе ООН: если взять известную фразу из преамбулы Устава ООН “*We the peoples of the United Nations determined to...*” [1*], в данном случае важно не то, кто в отдельный промежуток времени, в какой части света, в каком конкретном населенном пункте на планете создавал этот текст. Этот текст как неотъемлемая часть Устава ООН представляет собой опорную точку для участников организации, прецедентный текст, ассоциируемый с авторитетом всей этой масштабной организации. Таким образом, сегодня любое государство, принимающее нормы и «правила игры» этой системы, как правило, во всяком случае в своих выступлениях и документах, соотносит себя с высказыванием “*we the peoples of the United Nations*”, в связи с чем можно заключить, что под местоимением *we* имеются в виду не конкретные государства в конкретный исторический период, а «открытая система» государств, готовая принять в свои ряды новых членов при условии соблюдения ими определенных норм и разделения общих для группы ценностей.

Особое значение имеет и «третье эго» автора, рассматриваемое М. Фуко: «то, которое говорит, чтобы сказать о смысле работы, о встреченных препятствиях, о полученных результатах и о стоящих еще проблемах; это Эго располагается в поле математических дискурсов – уже существующих или тех, что только должны еще появиться» [7]. Аналогично этому и в дискурсе ООН, например, составляющие доклад эксперты так же отражают основные этапы своего исследования, ссылаются на задачи и проблемы и делают выводы со ссылкой на соответствующие документы (резолюции). Тем самым авторы докладов придают своей работе смысл, который выходит за

рамки «здесь и сейчас» и акцентирует внимание на связи анализируемых событий и фактов с общим контекстом деятельности организации – поэтому доклад, как правило, содержит упоминание предыдущих шагов ООН в данной области, соответствующих резолюций, рекомендующих ход действий, ссылки на предыдущие доклады ООН по данной тематике, а также заключение выводов на будущее в контексте принятых организацией важнейших приоритетов (Цели устойчивого развития, Цели развития тысячелетия, Повестка 2030, Наша общая повестка и пр.) [2*; 3*].

Итак, дискурс ООН – распределение двух функций фигуры-автора («симультанного эго» автора [7]) (проекция не субъекта-автора, а субъекта – открытой системы), в рамках которых его/их личность стирается и взамен профилируется обладающее весом систематическое целое, вписываемое при этом в контекст связанных с ним дискурсов.

М. Фуко указывает на сложность и масштабность фигуры автора нехудожественных текстов, которая укрепляет институциональность системы того или иного дискурса: «Они создали нечто большее: возможность и правило образования других текстов. В этом смысле они весьма отличаются, скажем, от автора романа, который, по сути дела, есть всегда лишь автор своего собственного текста. Фрейд же – не просто автор «Толкования сновидений»; Маркс – не просто автор «Капитала» – они установили некую бесконечную возможность дискурсов» [7]. В этом смысле можно заключить, что “*we the peoples of the United Nations*” как уставной текст организации можно отнести к этому типу текстов. То есть одновременно это и тот прецедентный текст с теми авторами, которыми обеспечили условия для создания дальнейших текстов в рамках целостного систематического дискурса ООН, и текст как открытая система, которая позволяет объединять группу тех, кто принимает декларируемые ценности и нормы.

Результаты исследования

На концептуальном уровне в проблематизации дискурса ООН прослеживается три основных тематики: проблема мира (*peace*) и тех, кто ему препятствует, проблема свободы (*freedom*) и тех, кто ей препятствует, а также проблема благополучия (*wellbeing, common good*) и тех, кто ему препятствует. Таким образом, с точки зрения прагматического компонента, дискурс ООН строится по принципу дискурса «злодеев» (препятствующих свободе, миру и благополучию), «спасителей» (противодействующих попыткам «злодеев») и «жертв» (которые должны жить в условиях свободы, мира и благополучия, но лишены данных условий вследствие как объективных обстоятельств, так и умышленных действий «злодеев»).

Так, в обращении к Генеральной Ассамблее экс-премьер министр Великобритании Тереза Мэй выстраивает общее положительное семантическое поле тех, кто объединен едиными «правилами игры» (*a rules based international system*), проводя между участниками лишь одну линию разграничения: одни – это те, кто могут пострадать и нуждаются помощи (в частности, менее развитые страны и страны с уязвимой экономикой), и те, кто в состоянии отстаивать эти ценности и помогать. Создается такая схема описания миропорядка, в которой участники объединены единым пространством, но разделены иерархией: жертвы (более слабые) и герои-спасители (более сильные):

“*We reaffirm our shared commitment to work together within a rules based international system to address shared global challenges. <...> To stand up for our values by protecting those who may suffer when it (rules based system. – Прим. наше. Н. М.) is violated... This commitment takes account of the special requirements of least developed countries, and of small and otherwise vulnerable economies*” [4*].

“*We have to show there is a better way to meet the concerns of our people. That way lies in global cooperation between strong and accountable states based on open economies and inclusive societies*” [4*].

В приведенном выше предложении образ, активизирующийся в обеих фразах с помощью местоимения *we*, конкретизируется, поскольку устанавливается семантическая связь между этим местоимением и ценностями (либерализм в экономике и инклюзивное развитие), а также в данной категории атрибуируется признак силы и ответственности (*strong and accountable states*), в связи с чем можно заключить, что речь идет о категории спасителей.

Далее представлены высказывания, где прослеживается активизация образа «злодеев»:

“*We see this when States like Russia flagrantly breach international norms – from the seizing of sovereign territory to the reckless use of chemical weapons on the streets of Britain*”;

“*Only global cooperation... can ensure competition is fair and does not succumb to protectionism, with its certain path to lost jobs and international confrontation*” [4*].

Помимо прилагательных и наречий с явно негативным аксиологическим компонентом (*flagrantly, reckless*), образ «злодея» конструируется в семантической связке с теми ценностями, которые неприемлемы для участников, ассоциирующих себя с «мы» (*we*), т. е. протекционизмом. Негативная коннотация данной лексики укрепляется глаголом *succumb*, который употребляется с негативными явлениями, как правило, искушениями (*succumb to temptation*) и болезнями (*succumb to a disease*). Более того, образ

«злодея» здесь семантически связан с отрицательными последствиями неверных действий – потерей рабочих мест и международной конфронтацией.

“*When barbarous acts and aggression go unchecked – dictators and terrorists are emboldened. So, we must have the confidence to act*” [4*].

В данном предложении активно задействуется концептуальная оппозиция «свой» – «чужой» («мы» – «они») [9], усиливающаяся за счет противопоставления местоимения *we* и существительных *dictators and terrorists*, с явно негативным семантическим полем понятий *barbarous acts and aggression*.

Что касается категории «жертв», это самая многочисленная категория в данной концептуально-образной схеме дискурса ООН, но для облегчения ее анализа сначала необходимо более подробно рассмотреть непосредственно круг проблематизации в дискурсе ООН, поскольку категории «жертв» неразрывно связаны единым семантическим полем с моделируемыми в дискурсе проблемами (и те, и другие существуют в языке в связке друг с другом).

Англоязычный дискурс ООН чрезвычайно разнообразен и насыщен многочисленными типами проблематизации. Однако в целях их конкретизации и систематизации автор исследования выделил для себя следующие элементы проблематизации:

– проблемы, связанные с изменением климата: *Climate change/Climate crisis/global warming/sustainable development*;

– проблемы, связанные с расширением прав и возможностей женского населения планеты: *Women’s empowerment/rights of women and girls/ rights of children especially girls*;

– проблемы, связанные с болезнями: *Diseases* (особенно *Covid-19 pandemic*);

– проблемы, связанные с войнами и вооруженными конфликтами: *Wars and armed conflicts*;

– проблемы, связанные с защитой интересов и улучшением условий жизни меньшинств и уязвимых социальных групп: *Vulnerable groups (diversity, inclusion, linguistic diversity, indigenous peoples/communities)*.

Дискурс концептуального пространства «жертв – злодеев – спасителей» разворачивается через мотив утешения проблемами, за счет задействования лексем с явно выраженным отрицательным аксиологическим компонентом: “*devastating economic and social consequences of the COVID-19 pandemic... reversing three decades of steady progress*” [5*]; “*poverty eradication in all its forms and dimensions as the greatest global challenge faced by the world*” [5*] (в данном примере характерно использование превосходной степени прилагательного *great* – *the greatest*, позволяющее коммуникантам прибегнуть к приему гиперболы для усиления перлокутивного эффекта); “*Even*

countries that entered the pandemic with a relatively strong economy were shattered by a sharp increase in poverty that disproportionately impacted those in vulnerable situations...”; “*the risk of older persons living in multidimensional poverty could become a growing concern for all countries*” [5*] (также примечательно использование приема гиперболы посредством местоимения *all*); “*to be unemployed or in precarious working arrangements, and therefore more likely to lack adequate social protection*”; “*COVID-19 exacerbated the numerous challenges already faced by young people in the labour market and saw drastic increases in youth unemployment, poverty and food insecurity*” [5*].

Важно отметить, что в дискурсе ООН вместо нейтральных лексем более распространены аксиологические компоненты. При этом зачастую негативная семантика соседствует во фразе с положительной: например, как во фразе “*to alleviate poverty and enhance social inclusion*” [5*]. Важную роль в транслировании оценки играют глаголы, они становятся маркерами положительности (*to enhance*) и отрицательности (*to alleviate*) явления/объекта.

Особый интерес представляют те фразы в речи коммуникантов, в которых представлены одновременно все основные типы глаголов-маркеров оценки этого дискурса: “*seeks to raise awareness in national forums and relevant institutions, eliminate barriers for women, and design tools to improve the skills and employment opportunities of women*” [5*]. Основные типы таких глаголов включают следующие категории:

– семы совершенствования, укрепления положительного (глаголы *to seek, raise, improve*);

– семы создания и разработки положительного (глагол *to design*);

– семы борьбы с отрицательным (глагол *to eliminate*).

Такой семантический анализ частотных глаголов дискурса позволяет не только четко систематизировать их для исследования, но и использовать это для решения сугубо прикладных задач, например, при обучении навыкам анализа и перевода подобных текстов (что можно включать в соответствующие учебные пособия).

Рассмотрим и другие предложения с глаголами данного типа, в которых также встречается упомянутая выше их тройная классификация: “*Develop strategies and policies, in collaboration with all relevant stakeholders, to advance gender equality and address barriers to social inclusion*” [5*]. В этом предложении активизируются семы разработки, построения положительного (глагол *to develop*), семы совершенствования и укрепления положительного (глагол *to advance*), семы борьбы с отрицательным (глагол *to address*).

Следующий пример: “*addressing the needs of those in vulnerable situations and contribute to poverty reduc-*

tion, much remains to be done to reduce inequalities and foster social inclusion” [5*]. В предложении автор апеллирует к семам борьбы с отрицательным (глаголы *to address, reduce*) и семам совершенствования и укрепления положительного (глаголы *to contribute, foster*).

Как уже отмечалось ранее, конструируемый круг проблем в англоязычном дискурсе ООН неразрывно связан с категориями «жертв». Здесь следует выделить следующие варианты их номинации: “*vulnerable groups*”, а также “*marginalized groups*” и “*disadvantaged groups*” (т. е. уязвимые, социально отчужденные). Российской Федерацией предпринимаются попытки использовать в формулировках документов ранее согласованный вариант “*people in vulnerable situations*” (т. е. люди в ситуации уязвимости), имея в виду инвалидов, больных людей, беженцев, людей на пороге бедности. Однако западные страны, как правило, говоря о расширении прав уязвимых групп, отдают предпочтение более широкой категории “*vulnerable groups*” (РФ в частности видит в этом стремление включить в данную категорию также детей и различные меньшинства, о расширении прав которых представители РФ высказываются заметно более сдержанно, ссылаясь на руководящую роль родителя и отсутствие всеобщего признания мировым сообществом ряда меньшинств) [10].

Кроме того, особого интереса заслуживает конкретизация данных уязвимых групп, которая уже настолько проработана коммуникантами дискурса, что группа «жертв» – самая многочисленная группа участников этого дискурса. Ниже приведены примеры номинации людей – членов уязвимых групп: *children, women, youth, persons with disabilities, older persons, migrants and Indigenous Peoples, the world's poorest; people living in extreme poverty; those in need; excluded persons; visually impaired persons, those who are furthest behind* [3*–5*] etc.

Ниже приведены примеры номинации государств – членов уязвимых групп:

developing countries, the least developed countries, land-locked countries, low-lying nations, low-income countries/communities, middle-income countries [3*–5*] etc.

При этом конкретизация в категориях уязвимостей и слабостей в последние несколько лет дискурса ООН вышла на еще более высокий уровень детализации и уточнения: помимо номинации какой-либо общности группой риска профилируются и возможные ситуации риска, в которых она может (зачастую потенциально) оказаться. В этой связи активизируется образно-концептуальная схема «группа риска в ситуациях риска».

Например, в одном из докладов эксперта ООН можно найти фразу “*disadvantaged groups in*

vulnerable situations” [5*] – примечательно, что в данной фразе конструируется категория с двойным статусом риска, т. е. они сами по себе группа уязвимых, но еще и в ситуациях риска.

Сильнее детализация прослеживается в следующем примере:

“...*In particular children, women, youth, persons with disabilities, older persons, migrants and Indigenous Peoples, who may experience multiple and intersecting forms of discrimination and therefore are at increased risk of living in multidimensional poverty*” [5*].

Помимо перечисления категорий «жертв» (дети, инвалиды, пожилые люди и др.) в высказывании профилируется потенциальный риск дискриминации, причем сам феномен дискриминации также подразумевает одновременно несколько типов (*intersecting forms of discrimination*, т. е. пересекающиеся друг с другом формы дискриминации). В свою очередь потенциальный риск дискриминации сопряжен в высказывании с риском бедности. При этом снова коммуникант предпочитает использовать не генерализацию понятия бедности, а вывести ее в разряд более конкретных категорий, дав характеристику (*multidimensional poverty* – «многомерная нищета», такое понятие выводит в фокус не традиционное понимание бедности как явления нехватки денежных средств, а видение его через призму одновременно множества факторов: плохое качество питания, недостаточное образование, недостойные условия труда, отсутствие доступа к качественной системе здравоохранения и пр.). Таким образом, создается концептуально-образная схема «группа риска в ситуации риска».

Подобная концептуализация наблюдается также в следующем высказывании, где сама по себе уязвимая группа (молодежь, которая со свойственной дискурсу ООН традицией синонимичной номинации именуется в одной фразе и *young people*, и *youth*) ставится в дополнительную ситуацию риска (пандемия), сопряженную с еще одним риском (опасность стать лишенными преимуществ социального развития):

“*Young people or youth (defined as ages 15–24) were particularly vulnerable to disruptions caused by the pandemic, with many now at risk of being left behind during a crucial stage of the life course*” [5*].

Внимание стоит уделить также особенностям формулировок в англоязычном дискурсе ООН: конструируемая языковая картина мира отличается заметной сложностью структуры, «многоступенчатостью» и «многослойностью» с точки зрения построения связей между объектами. Например:

“*Promotion of social integration and social inclusion to accelerate efforts towards achieving poverty eradication and sustainable development*” [5*].

Можно заметить, что выстраивается своего рода «лестница» объектов и действий: социальная интеграция и социальная вовлеченность (*social integration and social inclusion*) – это, с одной стороны, объекты-цели, так как на них направлено действие *to promote*. В то же время они концептуализируются метафорой ПУТЬ (PATH) как мерой для достижения другой цели – принятие более интенсивных мер (обусловлено частицей с телеологической семой *to* во фразе “*to accelerate efforts*”), однако эти меры (*efforts*) служат в качестве метафоры ПУТЬ для двух других объектов-целей (обусловлено наличием предлога с телеологической семой *towards*) – искоренение нищеты и устойчивое развитие (*poverty eradication and sustainable development*).

Примечательно и то, что места в этом порядке не фиксируются и могут меняться в зависимости от соответствующих коммуникативных задач:

“The 2030 Agenda reflects the cross-cutting nature and importance of social inclusion through the relevant Sustainable Development Goals”.

В данном случае понятие социальной вовлеченности концептуализируется в виде цели (с помощью концептуальной метафоры GOAL благодаря предлогу *through*), а компоненты устойчивого развития – в виде участков пути к цели. Таким образом, задействуется рассмотренная Дж. Лакоффом концептуально-образная схема ИСТОЧНИК – ПУТЬ – ЦЕЛЬ (SOURCE – PATH – GOAL) [3].

В заключение необходимо остановиться на еще одной важной тенденции современного англоязычного дискурса ООН, которую имеет смысл назвать «иерархия уязвимостей», когда слабости выстраиваются в порядке приоритетности. Например:

“...the transfer of money to households as a supplement to household income to be used for the purchase of food, giving priority to parents of children up to 14 years of age, women who are beyond the first trimester of a pregnancy, and persons with disabilities in vulnerable situations” [5].*

Рассматриваемый в предложении вид социальной помощи распространяется не на всех инвалидов и не на всех женщин (хотя обе группы признаются ООН уязвимыми), а в приоритет ставятся инвалиды в ситуациях риска и женщины на первом триместре беременности. Интересы заслуживают и другие примеры:

“...promotes good nutrition with a focus on women of reproductive age, pregnant women and breastfeeding women/mothers” [5];*

“...an initiative to create employment for persons with intellectual disabilities, the Government of Türkiye has implemented sheltered workplaces” [5].*

В последнем примере следует отметить, что речь идет не о решении вопроса общего порядка – социальной и трудовой интеграции инвалидов, а о прио-

ритетности конкретной группы – лиц с ограниченными интеллектуальными возможностями.

Выводы

Проведенное исследование выявляет активные трансформации в англоязычном дискурсе ООН последних десяти лет. В данном дискурсе расширяется разнообразие элементов, где особая роль отводится самой многочисленной категории – уязвимым участникам международных отношений, нуждающимся в помощи со стороны развитых стран. Кроме того, даже внутри данной категории члены не обладают равенством и разделены своего рода иерархией в зависимости от связанной с ними «иерархии уязвимостей» и «приоритетностью рисков» в соответствии со сложно дифференцированной концептуально-образной схемой «группа риска в ситуации риска». В англоязычном дискурсе ООН наблюдается также отход от вопросов общего порядка и сдвиг явления проблематизации в сторону более конкретных и частных вопросов с детальной дифференциацией участников международных отношений.

Кроме того, с помощью концептуальной оппозиции «свой» – «чужой», а также лексем с явными аксиологическими компонентами активизируется схема дискурса «злодеи – спасители – жертвы», в рамках которой весь мир делится на развитые государства («спасители») и развивающиеся страны, а также уязвимые общности («жертвы»), и страны/объединения, нарушающие нормы международного права и/или не подпадающие под систему ценностей, к которой отсылают коммуниканты («злодеи»).

Представляется, что предпринятая попытка систематизации особенностей англоязычного дискурса ООН не только вносит вклад в исследования в лингвокогнитивном и прагматическом ключе, но и упрощает задачи при обучении английскому языку как иностранному, поскольку позволяет увидеть магистральные направления мыслей членов современного англоязычного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 223 с.
2. Кравченко А. В. Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2008. 320 с.
3. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : УРСС, 2004. 252 с.
4. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ : лингвистика языкового существования. М. : Новое литературное обозрение, 1996.
5. Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen // Philosophical Investigations. Oxford. 1953. № 1. P. 23.
6. Фуко М. Интеллектуалы и власть : избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Праксис, 2002. 384 с.

7. Фуко М., Табачникова С. Воля к истине : по ту сторону знания, власти и сексуальности. М. : Праксис, 2006. Ч. 3. 320 с.

8. Foucault M. Dits et Écrits. T. III (1976–1979). Paris, 1994. Pp. 298–329.

9. Брицына Н. М. Англоязычный дискурс ООН : особенности и практическое применение в описании современного миропорядка // Филологические науки в МГИМО. 2022. № 3. С. 70–81.

10. Кутейников А. Е. Вопросы семьи в «Семье» ООН (20-летие международного года семьи) // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2014. № 6 (32). С. 80–88.

ИСТОЧНИКИ

1*. United Nations Charter. URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter>

2*. Transforming our world: implementing the 2030 agenda through sustainable development goal indicators. URL: <https://sdgs.un.org/2030agenda>

3*. Our Common Agenda. URL: <https://www.un.org/en/common-agenda>

4*. May Theresa. 73rd Session of the UN General Assembly. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/theresa-mays-speech-to-the-un-general-assembly>

5*. Promoting social integration through social inclusion : report of the Secretary-General. URL: https://digitallibrary.un.org/record/4017740/files/A_78_188-EN.pdf

REFERENCES

1. Maturana U., Varela F. Drevo poznaniya. M.: Progress-Traditsiya, 2001. 223 p.

2. Kravchenko A. V. Kognitivnyi gorizont yazykoznaniya [Cognitive horizon of linguistic research]. Irkutsk: Izd-vo BGUEP, 2008. 320 p.

3. Lakoff D., Dzhonson M. Metafori, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. M.: URSS, 2004. 252 p.

4. Gasparov B. M. Yazyk, pamyat', obraz: Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya [Language, memory, image: Linguistics of language existence]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996.

МГИМО МИД России

Брицына Н. М., старший преподаватель кафедры английского языка № 3

E-mail: nast.britsyna@mail.ru

Поступила в редакцию 14 июня 2024 г.

Принята к публикации 26 сентября 2024 г.

Для цитирования:

Брицына Н. М. Особенности современного англоязычного дискурса ООН: феномены проблематизации и категоризации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 4. С. 122–129. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/4/122-129>

5. Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen. In: *Philosophical Investigations*. Oxford, 1953. No. 1. Pp. 23.

6. Фуко М. Интеллектуальность и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью [Intellectuals and authority: Selected political papers, speeches, interviews]. М.: Праксис, 2002. 384 p.

7. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности [Will to the truth: on the other side of knowledge, authority and sexuality]. Сост., пер. с фр., коммент. и послеслов. С. Табачниковой. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. 320 p.

8. Foucault M. Dits et Écrits. T. III (1976–1979). Paris, 1994. Pp. 298–329.

9. Britsyna N. M. Angloyazychnyi diskurs OON: osobennosti i prakticheskoe primeneniye v opisaniy sovremen-nogo miro-poryadka [UN English-language discourse: peculiarities and applications in describing the world order]. In: *Filologicheskie nauki v MGI-MO*. 2022. No. 3. Pp. 70–81.

10. Kuteinikov A. E. Voprosy sem'i v «Sem'ye» OON (20-letie mezhdunarodnogo goda sem'yi) [Questions on family in the family of UN (The twentieth anniversary of the international year of the family)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2014. No. 6 (32). Pp. 80–88.

SOURCES

1*. United Nations Charter. Available at: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter>

2*. Transforming our world: implementing the 2030 agenda through sustainable development goal indicators. Available at: <https://sdgs.un.org/2030agenda>

3*. Our Common Agenda. Available at: <https://www.un.org/en/common-agenda>

4*. May Theresa. 73rd Session of the UN General Assembly. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/theresa-mays-speech-to-the-un-general-assembly>

5*. Promoting social integration through social inclusion : report of the Secretary-General. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/4017740/files/A_78_188-EN.pdf

MGIMO University

Britsyna N. M., Senior Lecturer of the English Language Department № 3

E-mail: nast.britsyna@mail.ru

Received: 14 June 2024

Accepted: 26 September 2024

For citation:

Britsyna N. M. Peculiarities of the contemporary English-language discourse of the UN: problematization and categorization. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2024. No. 4. Pp. 122–129. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/4/122-129>